

Александра Никитична Анненская

Тяжелая жизнь

Александра Анненская

Тяжелая жизнь

«Public Domain»

1884

Анненская А. Н.

Тяжелая жизнь / А. Н. Анненская — «Public Domain», 1884

«Уже двенадцатый час дня, а между тем в большой, светлой спальне Вари и Лизы Светловых господствует полнейший беспорядок. Кучка грязного белья валяется среди комнаты, пол около умывальника залит водой, на кроватях смятые подушки, небрежно разбросанные одеяла. Среди этого беспорядка, на полу, поджав под себя ноги, сидит девочка лет десяти. При первом взгляде на нее видно, что не она спала на этих мягких, покрытых тонкими наволочками подушках, не она накрывалась одним из этих нарядных шелковых одеял. Темное, сильно поношенное ситцевое платье и длинный холстинный передник, составляющие наряд ее, ясно показывают, что она не госпожа этой комнаты. А между тем она расположилась в ней совершенно свободно...»

Содержание

Глава I	5
Глава II	10
Глава III	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Александра Никитична Анненская

Тяжелая жизнь

Глава I

Уже двенадцатый час дня, а между тем в большой, светлой спальне Вари и Лизы Светловых господствует полнейший беспорядок. Кучка грязного белья валяется среди комнаты, пол около умывальника залит водой, на кроватях смятые подушки, небрежно разбросанные одеяла. Среди этого беспорядка, на полу, поджав под себя ноги, сидит девочка лет десяти. При первом взгляде на нее видно, что не она спала на этих мягких, покрытых тонкими наволочками подушках, не она накрывалась одним из этих нарядных шелковых одеял. Темное, сильно поношенное ситцевое платье и длинный холстинный передник, составляющие наряд ее, ясно показывают, что она не госпожа этой комнаты. А между тем она расположилась в ней совершенно свободно. В руках у нее книга, она вся погрузилась в чтение; щеки ее разгорелись, глаза с жадностью пробегают по строчкам, она не видит и не помнит ничего окружающего. Дверь комнаты отворилась, и в нее вошла горничная, неся в руках только что разглаженные юбки.

– Господи, Боже мой, да что же это такое! – вскричала она, бросая свою ношу на одну из кроватей. – Машка, да что ты тут делаешь, мерзкая девчонка? Двенадцатый час, а комната не убрана!

Она подбежала к девочке, выхватила у нее книгу и, схватив ее за руку, поставила на ноги.

– Ты тут книжками занимаешься, а дело стоит, – продолжала рассерженная горничная, – я тебе задам, подлая лентяйка! – Она схватила девочку за ухо и начала так сильно трясти ее, что Маша, остолбеневшая при ее внезапном появлении, сразу пришла в себя и с плачем подняла руки к голове, стараясь освободиться от своей мучительницы.

– Реви еще, дрянь этакая! – вскричала та, оставив, наконец, ухо девочки. – Пошла скорее, стели постели, барыня как раз придет сюда!

Маша, утирая передником слезы, катившиеся из глаз ее, подошла к одной из кроватей, но, прежде чем приняться за дело, подняла с полу книгу, брошенную горничною. Горничная заметила ее движение.

– Ты опять за книжку! – закричала она, хватая книгу и кладя ее на верх платяного шкафа, с которого Маша не могла достать ее. – Постой, я попрошу барыню, чтобы она не позволяла давать тебе книг! Ты уж не маленькая, полно тебе баловаться, пора за дело браться. Ты не барышня, что тебе над книгами сидеть! Другая девочка в твои годы уж какая помощница в доме, а от тебя ни на волосок нет проку!

Ворча таким образом, горничная быстро придала приличный вид постелям и затем, сунув в руки Маши половую щетку и тряпку, строгим голосом сказала:

– Ну, скорей мети комнату и вытирай пыль; да смотри же, не зевай, мне некогда тут, у меня утюги стынут; пошевеливайся живей, нечего истуканом-то стоять!

Она толкнула Машу в спину и вышла вон.

Маша, боясь новой брани, довольно усердно принялась за дело. Слезы все еще не обсохли на щеках ее, ей трудно было справиться с большой щеткой, но она все-таки тщательно выметала сор из-под кроватей и комодов. Работа не поглощала всего ее внимания так, как чтение, и она прислушивалась к тому, что говорилось в соседней комнате. А лицам, сидевшим там, было, видимо, не веселее, чем ей самой.

– Нет, я этого не могу, право, не могу! – говорил огорченный и рассерженный детский голос.

– Полноте, Варенька, постарайтесь! – отвечал другой голос, в котором слышалось скрытое неудовольствие: ведь вы сейчас только делали этот перевод словесно, неужели так трудно написать его!

– Конечно, трудно, я тут ничего, ничего не понимаю! – и в голосе Вареньки ясно слышались слезы.

Гувернантка вздохнула.

– Ну, идите сюда, переведите еще раз, – с видом покорной жертвы проговорила она.

Варенька начала слезливым голосом читать и переводить на русский язык какой-то немецкий отрывок. Она путала слова, не умела порядком склеить ни одной фразы, труд был ей, видимо, не по силам.

«Экая бестолковая эта Варенька, – подумала Маша, подгоняя к дверям кучу сору, кажись, она в пятый раз переводит одно и то же: уж я знаю, что „schwer“ значит „тяжело“, а она вдругхватила: „черно“!»

По губам Маши скользнула насмешливая улыбка.

– Ну, Лизанька, теперь вы идите отвечать басню, – обратилась гувернантка к своей младшей ученице, отправив старшую опять писать ее несчастный перевод.

– Какую басню? – с удивлением спросила Лиза.

– Вы очень хорошо знаете какую: ту, что я вам задала вчера. Вы весь вечер бегали да играли и не думали взяться за урок!

– Ну, не сердитесь, я сейчас выучу, я уж знаю первую строчку! – вскричала Лиза.

– Нет, теперь поздно, – строго проговорила гувернантка, – я знаю, что у вас способности хорошие, вам недолго выучить, но вы должны быть заботливее и готовить уроки до класса. Я много раз прощала вас, а сегодня вы будете наказаны, – вы не поедете кататься с маменькой.

Лиза бросилась к гувернантке и начала осыпать ее ласками и обещаниями исправиться, сделаться такой прилежной, такой прилежной, что просто чудо! Гувернантка осталась непоколебимой и с недовольным видом вышла из комнаты.

Между тем, Маша, окончив свою работу, пробралась в классную. Там за большим учебным столом, стоявшим среди комнаты, сидела перед открытой тетрадкой двенадцатилетняя Варя и, тупо глядя перед собой, грызла кончик носового платка. Она держала в руках перо, обмакнутое в чернила, но, очевидно, опять не знала, что писать этим пером. У окна рыдала восьмилетняя Лиза, огорченная наказанием.

– Что у вас, опять горе? – спросила Маша, подходя к девочкам.

– Еще бы не горе! – со слезами отвечала Лиза: – выдумала эта противная Ольга Семеновна задавать басни! Очень мне нужно их учить, да еще помнить об них вечером! Гадкая!

– Счастливая ты, право, Маша, – со вздохом проговорила Варя, – тебя не учат, тебе не надобно мучиться над этими отвратительными немецкими переводами!

– Вот нашли счастье! – вскричала Маша: – видели бы вы, как меня сейчас отпотчевала Даша за то, что я читала, а не убирала комнату!

– А нас разве мало пилит Семеновна, да еще вздумала наказывать! – жаловалась Лиза.

– Эх вы! – со вздохом проговорила Маша: – если бы мне, как вам, позволяли целый день читать, да еще нанимали бы гувернанток учить меня, так, кажется, большего счастья мне и в жизни-то не нужно!

– Ты так говоришь, потому что не учишься по-немецки! – грустно заметила Варя.

В комнату вошла горничная Даша.

– Машка, ты тут опять без дела стоишь! – грубо обратилась она к девочке. – Твоя мать пришла к нам, я ей все про тебя рассказала. Поди-ка к ней, ужо задаст тебе!

Личико Маши омрачилось; она тихими шагами пошла по длинному коридору в кухню. Там навстречу ей поднялась со стула высокая, худощавая женщина с желтым лицом, прорезанным множеством морщин.

– Ну, дочка, – сказала она, холодно принимая поцелуй Маши, – я за тобой пришла, собирайся-ка, пойдем домой!

– Домой? Отчего так? – удивилась Маша.

– А оттого, что полно тебе в барском доме баловаться. Ты здесь, говорят, ничего не делаешь, ничему путному не учишься, а пора тебе уж и за работу приниматься, не маленькая!

– Это уж, что правда, то правда, – вмешалась в разговор толстая кухарка; – мне что, мне ваша Машутка не мешает, пусть ее здесь живет, а только вы верно говорите, что избалуется она, потом и захотите присадить за дело, поздно будет.

– Еще бы! – подтвердила со своей стороны Даша: – здесь она что! Барыня до нее не касается, барышни обращаются с ней, как с ровней, читать, писать ее выучили. Заставишь ее что делать – не делает, книжки читает. Ну, что это за дело в нашем звании!

– Уж какое это дело! – вздохнула Машина мать: – ее надо за иголку присадить! В ее годы девочек в чужие люди отдают мастерству учиться! А мне, слава Богу, этого не нужно, – сама могу обучить. Вот моя Груша один всего год пробыла в магазине, а какая теперь мастерица, просто чудо! Ходит поуденно работать, на всем на готовом 50–60 коп. в день зарабатывает, бальные платья шьет с разными отделками. Да ко мне нынче двух девочек в ученье отдали, так что ж мне свою-то дочь в чужом доме держать! Не знаю только, не рассердилась бы барыня, что я беру Машу?

– Чего ей сердиться, – отвечала Даша, – ведь ей ваша Маша ни за чем не нужна. Прежде, бывало, с барышней она играла, а теперь барышня уже подросла, на руки гувернантки сдана, – ее от прислуги удаляют!

– Ну ладно, так я пойду, поговорю с барыней! Пойдем, Машутка!

Маша знала, что спорить с матерью или просьбами поколебать ее намерение было напрасно. Она молча, но с горькими слезами последовала за ней в комнату барыни.

– Дура, чего ревешь-то! – далеко неласково отнеслась к ней мать: – ведь не в тюрьму тебя ведут! Ишь как избаловалась! К родной матери да со слезами ворочается! Много дури придется мне из тебя выбивать!

Варвара Павловна Светлова, как и предсказывала Даша, совершенно равнодушно отнеслась к намерению Ирины Матвеевны взять к себе дочь. Она согласилась с тем, что девочку пора приучать к работе, что матери всего лучше взяться за это самой, поцеловала на прощанье Машу в лоб и, тронутая ее слезами, подарила ей трехрублевую бумажку на гостинцы.

Варя и Лиза также очень ласково простились с девочкой, звали ее приходить к себе, но не выказали никакого желания удержать ее: видно было, что они относились к ней не как к подруге, с которой привыкли делить горе и радость, а как к существу низшему, которому можно покровительствовать, но которое странно было бы сильно любить.

Полчаса спустя Маша уже шла вслед за матерью по улице, печально опустив голову и неся в руках узел со своими небольшими пожитками.

Маша прожила три года в доме Светловых. Ирина Матвеевна шила платья Варе и Лизе и, принося работу, часто приводила с собой свою маленькую дочь.

Варваре Павловне приглянулась быстроглазая девочка. Лиза в то время скучала одна в детской, так как Варя перешла в руки гувернантки и неохотно играла с младшей сестрой, и Ирине Матвеевне предложили взять Машу забавлять барышню. Бедная швея, с трудом зарабатывавшая иголкой пропитание себе и своим двум дочерям, с удовольствием согласилась на предложение богатой барыни. В кухне Светловых отвели маленький уголок, где должна была спать Маша; день же она проводила в детской, играя с Лизой, услуживая ей и няне,

исполняя разные мелкие поручения прислуги. Если бы кто-нибудь спросил в это время у девочки, хорошо ли ей живется, она не сумела бы ответить на этот вопрос. В те дни, когда Лиза не капризничала, а няня была в хорошем расположении духа, ей было весело и хорошо. В другие же дни, напротив, ей приходилось немало терпеть и от своенравия избалованной барышни, и от вспышек нетерпения няни, срывавшей на ней свой гнев. Через год Лиза начала учиться читать. Гордясь своими знаниями, она спешила передавать их и няне, и Маше. Няня делала вид, что с удовольствием слушает свою питомицу, на самом же деле вовсе не интересовалась ее уроками, зато Маша оказалась прилежной и понятливой ученицей. Девочка не раз мельком слышала, как Варя громко читала гувернантке, и завидовала ей; искусство чтения казалось ей чем-то в высшей степени привлекательным и в то же время недостижимо трудным; когда Лиза медленно разобрала при ней первые слова, Маша пришла в восторг. Вскоре она перегнала свою маленькую учительницу, а через полгода уже помогала ей готовить ее небольшие уроки. Никто из взрослых не обращал внимания на занятия девочки. Гувернантке было довольно дела со своими двумя ученицами, из которых старшая отличалась очень плохими способностями, а младшая была ленива и капризна. Няня рада была, когда Лизанька чем-нибудь спокойно занята, а Варвара Павловна редко заглядывала в детскую. Маша училась и читала, и чем больше она читала, тем труднее ей становилось отрываться от книги, чтобы бежать в лавочку по поручению кухарки, или заниматься уборкою комнат по приказанию няни и горничной, или возиться с Лизиными куклами. А между тем, чем старше она становилась, тем чаще приходилось ей исполнять разные домашние работы. Когда Лизе минуло семь лет, она поступила под надзор гувернантки, не позволявшей своим воспитанницам играть с «простыми девочками», и Маше пришлось окончательно превратиться в прислугу. Никакой определенной обязанности в доме у нее не было, но, как ребенок, она должна была исполнять приказания всех старших. Кухарка посылала ее по десяти раз в день в лавочку, горничная заставляла ее убирать комнаты и подавать себе утюги при глаженье, лакей учил ее чистить сапоги и платье. Всякий понукал ею, и все находили, что она лентяйка, дармоедка, что она избаловалась, играя с барышней, что с ней надо обращаться поостроже. Ирина Матвеевна, приходившая иногда повидаться с дочерью, держалась того же мнения и слезно упрашивала кухарку и горничную не давать девочке спуска. Мы уже видели, как горничная Даша исполняла эту просьбу; остальная прислуга вполне следовала ее примеру. Немало брани, пощечин, колотушек и пинков приходилось выносить Маше, но, несмотря на это, она все-таки не сказала бы, что жизнь ее несчастна. К побоям она привыкла с раннего детства: ее бил отец, умерший за несколько месяцев до поступления ее к Светловым и в последние годы жизни сильно буянивший в пьяном виде; ее била мать, считавшая побои единственным средством исправления детей от всяких пороков; ее били мальчики и девочки, с которыми ей приходилось играть во дворе и на улице. Она привыкла считать побои неизбежным злом для всех негосподских детей, она не оскорблялась ими и боялась их только, как физической боли. Несмотря на старания прислуги дать ей как можно больше дела, у нее оставалось очень много свободного времени, и это время она проводила совершенно по своему желанию: забившись куда-нибудь в уголок, подальше от глаз старших, она зачитывалась книгами, которыми охотно снабжали ее Варя и Лиза, пыталась на клочках бумаги записать что-нибудь особенно понравившееся ей в прочитанном, или, стоя у дверей классной комнаты, прислушивалась к урокам гувернантки и потом твердила их про себя. В эти минуты Маше было так хорошо, что она забывала обо всех неприятностях своей жизни. Часто мечтала девочка о том, как она незаметно ни для кого выучится всему, чему учат барышень, как она сделается такой образованной, что пойдет в гувернантку, как тогда ей не нужно будет скрывать своих занятий, как, напротив ее будут хвалить за то, что она проводит целые дни над книгами. Грубый упрек или толчок заставляли ее очнуться от этих мечтаний и возвращали к действительности. Оторопев, точно не совсем проснувшись от

сна, выслушивала она даваемое ей поручение; ей трудно было сразу обратить полное внимание на приказание, с усердием приняться за неприятную работу, и ее бранили лентяйкой, ее били, чтобы исправить от лености.

Глава II

Маша плакала, возвращаясь с матерью домой, но на самом деле она имела очень смутное понятие о той жизни, которая ожидала ее. В течение трех лет, проведенных ею у Светловых, она очень редко бывала у матери, приходила всегда только в большие праздники на несколько часов, и в это время как мать, так и старшая сестра принимали ее, как дорогую гостью, старались и приласкать, и получше угостить ее. После смерти мужа Ирина Матвеевна осталась в страшной бедности. Покойник пропивал не только свои и женины заработки, но даже все платье и белье семьи. При нем Ирина Матвеевна не могла брать к себе в дом чужую работу, так как несчастный пьяница готов был променять на водку все, что попадало ему под руку, не разбирая своего и чужого. Овдовев, Ирина Матвеевна принялась за шитье, но много не могла им зарабатывать: швея она была не очень искусная, за модой не следила, богатых платьев ей не заказывали, она шила, главным образом, для детей, да для прислуги и за работу получала очень мало. Старшая дочь, четырнадцатилетняя Груша, немного помогала матери, а маленькая Маша только мешала им обеим, и мать была от души рада, что нашлись добрые люди, взявшие ее к себе. В три года положение Ирины Матвеевны несколько улучшилось. Груша оказалась очень способной швеей и, поучившись год в магазине, стала гораздо искуснее матери. Благодаря ей, Ирина Матвеевна могла брать работу получше и подороже, число ее заказчиц увеличилось настолько, что ей стало выгодно держать девочек-учениц, и она рассчитала, что теперь Маша будет ей не в тягость.

– Ты не думай, что мы по-прежнему живем в углу, – говорила Ирина Матвеевна, чтобы утешить Машу, которая плелась за ней со своим узелком, – у меня нынче квартира снята, комната чистая, большая, да кухня, и едим мы, слава тебе Господи, хорошо, всякое утро кофе пьем, к обеду горяченького чего-нибудь варю; небось, не умрешь с голода!

Для Ирины Матвеевны, много лет прожившей с мужем и детьми в холодном, сыром, полутемном углу, питаюсь хлебом да квасом, настоящая жизнь казалась вполне удовлетворительною. На Машу обстановка родного дома произвела совершенно другое впечатление. По грязной полутемной, крутой лестнице она поднялась вслед за матерью в третий этаж. На стук Ирины Матвеевны черноволосая, босоногая девочка отворила дверь, обитую ободранной черной клеенкой, и они вошли в темную, крошечную переднюю, отгороженную неглухой перегородкой от маленькой кухни, и затем в светлую комнату в два окна, служившую мастерской. Около одной из стен этой комнаты стоял диван, обитый полинявшей шерстяною материей, около другой несколько стульев и сильно потертый комод с зеркалом, в третью были вбиты гвозди с развешанными на них сшитыми и полу сшитыми платьями, на полу валялись лоскутки и обрезки разных материй, середина комнаты была занята большим столом, за которым сидела, усердно работая иголкой, девочка лет четырнадцати, бледная, худощавая, с рябым лицом, подслеповатыми глазами и светлыми волосами, заплетенными в две тоненькие косички. Окинув взглядом эту единственную комнату своей матери, Маша невольно мысленно сравнила ее с нарядно убранной квартирой Светловой, где даже кухня выглядела и чище, и уютнее.

– Ну, вот, девочки, – обратилась Ирина Матвеевна к своим двум ученицам, – привела я свою дочку, она будет работать вместе с вами, я ей также спуску не дам: для меня, что дочка, что чужая, – все равно! Покажите, много ли вы наработали? Что, Пашка, закончила?

– Нет еще, Ирина Матвеевна, где тут кончить, – плаксивым голосом возразила рябая девочка.

– Ишь ты, лентяйка, опять без меня ничего не делала, – сердито заметила Ирина Матвеевна, – ну, смотри, не закончишь к обеду: будешь сидеть не евши! – А ты, Анютка?

– Я карманы шила, Ирина Матвеевна, – скороговоркой заговорила черноволосая девочка, – теперь вот пороть принялась.

– Ну, ладно. Возьми-ка, Машутка, да помоги ей, эта работа спешная, я обещала купчихе к воскресенью бесприменно перешить платье, а возни с ним больше, чем с новым. Работайте, не зевайте, а я пойду нам обед стряпать. Смотри, Пашка, поторапливайся!

С этими словами Ирина Матвеевна вышла из комнаты, оставив девочек одних.

Несколько секунд они молча работали, искоса поглядывая друг на друга.

Паша первая прервала молчание.

– Хозяйская дочка! – проговорила она сквозь зубы, далеко неласково поглядывая на Машу, – что, небось, будешь ябедничать на нас своей матери?

– Она ведь в барском доме жила, с барышнями дружбу вела, – лукаво заметила Анюта, – так с нами, пожалуй, и знаться не захочет!

Маша ничего не отвечала на колкости своих новых подруг. Она все как-то еще не могла освоиться с переменой жизни, заставшей ее совершенно врасплох. Впрочем, сидеть долго молча подле черноволосой Анюты было невозможно. Девочка, видимо, сгорала нетерпением поближе познакомиться с новой подругой и быстро задала ей целый ряд вопросов, которые невозможно было оставить без ответа. Мало-помалу между девочками завязался довольно живой разговор, в котором приняла участие и Паша.

– Так-то вы работаете! – раздался вдруг грозный голос Ирины Матвеевны, неслышными шагами вошедшей в комнату. – Что, верно, есть не хотите?

– Мы сию минуточку закончим, Ирина Матвеевна, – поспешила успокоить хозяйку Анюта. – Маше осталось распороть один рукав, а я допарываю юбку.

– Ну, ну, кончайте, без того и обедать не дам.

Через десять минут Анюта с Машей подали хозяйке грудку аккуратно сложенных лоскутков, составлявших прежде платье купчихи.

– А ты, Пашка, готова? – спросила Ирина Матвеевна у своей старшей ученицы.

– Да нет, еще не готова, Ирина Матвеевна, – плаксивым голосом говорила Паша, – две оборки нашила, а третью не успела!

– А, не успела! Ну, так и сиди не евши! Я тебя, матушка, от лени вылечу! У меня забудешь, как за работой сидеть, да языком болтать!

– Да что же это такое, Ирина Матвеевна, – жаловалась Паша, – вчера не обедала, сегодня не обедать, этак и с голоду помрешь!

– Либо помрешь, либо работать научишься! – резко ответила Ирина Матвеевна: – я так и матери твоей говорила! Со мной шутики плохи, ты это знай!

Суровая хозяйка повела двух младших девочек обедать в кухню, а голодная Паша, всхлипывая, осталась за работой.

Обед состоял из кислых щей и вареного картофеля с солью. В господском доме Маша привыкла к лучшей пище, но она ничего не ела с утра, далеко прошла и потому без принуждения принялась за жидкие щи и сухой картофель.

После обеда Ирина Матвеевна поручила ей перемыть и убрать посуду, Анюту послала в лавки за мелочными покупками, а сама пошла в мастерскую. Исполнив данные им поручения, младшие девочки явились туда же, и Ирина Матвеевна засадила их за шитье. При строгой хозяйке в мастерской господствовало полное молчание, девочки не смели ни разговаривать, ни остановиться ни на минуту в работе. Маша не привыкла сидеть так долго на месте, у нее заболела спина и голова, она плохо владела иголкой, беспрестанно то колола себе пальцы, то путала нитку, но строгий оклик матери не давал ей отдохнуть ни минуты.

– Ты чего зеваешь по сторонам? Нечего мух считать!

Так продолжалось до девятого часа вечера. Наконец, Ирина Матвеевна позволила девочкам кончить и велела убирать работу, пока она пойдет готовить ужин. Ослабевшая от

голода Паша вяло и медленно складывала работу; Анюта быстро схватила свое и Машино шитье, свернула все в комок, бросила на стул, прикрыла сверху куском коленкора, валявшегося на столе, и принялась бегать из угла в угол по комнате; видно уж очень тяжело было бедной девочке сохранять так долго неподвижность, захотелось сразу вознаградить себя. Маша стояла прислонясь к стене, грустная и усталая. На ужин Ирина Матвеевна дала детям остатки того картофеля, который они ели за обедом, с приправой селедки, да по большому куску хлеба с квасом. Анюта с жадностью пожирала этот скромный ужин, а Маша охотно отдала половину своего хлеба Паше, не утолившей голода своей долей.

После ужина, только что девочки опять вернулись в мастерскую готовиться спать, в дверь раздался стук, и через несколько минут в комнату вошла молодая, стройная девушка, одетая в светлое ситцевое платье. Это была Груша, старшая сестра Маши, возвращавшаяся со своей поденной работы.

– Здравствуй, Машута, – ласково проговорила она, целуя девочку в лоб, – ну что, совсем к нам пришла?

– Совсем, – тихо отвечала Маша.

Пока девочки готовили себе постели на полу в углу мастерской, а Ирина Матвеевна убирала кухню, Груша привлекла Машу к себе и, нежно обняв ее рукой, спросила:

– Рада ли ты, милая, что будешь жить дома, не у чужих людей?

– Не очень-то, – откровенно отвечала Маша, сразу почувствовавшая доверие к старшей сестре.

– Верно, мать была очень строга? – с улыбкой спросила Груша. – Не огорчайся этим, – прибавила она успокоительно, проводя рукой по волосам Маши: – мать ведь только с виду такая суровая, а она тебя очень любит. Она так тужила, что ты живешь у чужих, так радовалась, когда могла взять тебя домой. Конечно, – продолжала Груша, видя, что слова ее не разгоняют Машиную грусти, – после жизни в господском доме тебе у нас неприглядно; да это ничего, привыкнешь. Ведь и там тебе было немало горя: тебя и били, и бранили, а толком никто ничему не учил; мать тебя приучит к работе; когда я была девочкой – и мне от нее доставалось, а зато теперь из меня вышла портниха хоть куда! Я и для себя довольно зарабатываю, и матери помогаю, и тебе буду гостинцев приносить, хочешь?

Маша улыбнулась. Не столько обещание сестры, сколько ее приветливость и ласка развеселили девочку.

Ирина Матвеевна и Груша спали обыкновенно в кухне на одной кровати. Маша должна была вместе с двумя другими девочками ночевать на полу в мастерской. Для нее не было припасено ни постели, ни подушки. Ирина Матвеевна подостлала ей на пол свою теплую кацавейку и свои две юбки, дала ей свою подушку и свое одеяло.

По заботливости, с какой мать устраивала для нее постель, Маша ясно почувствовала разницу между чужим домом и своим, почувствовала, что, несмотря на суровое обращение, мать в самом деле любит ее, и тяжесть, давившая ее весь день, исчезла. На прощанье Груша ласково поцеловала ее в лоб, и под впечатлением этой ласки девочка спокойно уснула в родном углу.

На следующее утро, в семь часов, Ирина Матвеевна, совсем одетая, уже будила своих учениц и торопила их скорее одеваться и убирать мастерскую. Вся семья напилась жиденького кофе со снятым молоком и черным хлебом. Груша скроила одно платье, заказанное ее матери, показала, как сделать отделку на другом платье и поспешно ушла на свою работу, а девочки должны были, по вчерашнему, засесть за шитье. Суровость, высказанная Ириной Матвеевной в первый день возвращения Маши, не ослаблялась ни на минуту. Когда она сама сидела в мастерской, она не позволяла своим ученицам поднять головы от работы; уходя же из дому или даже из комнаты, она задавала им уроки и за неисполнение урока оставляла их без обеда или ужина. Если девочка не довольно хорошо и аккуратно шила, она

заставляла ее распарывать все сделанное и, кроме того, била ее по щекам и по рукам. Бедные девочки сильно боялись своей строгой хозяйки, тем более, что за них заступиться было некому. Анюта была сирота, и родственники ее упросили Ирину Матвеевну взять ее к себе Христа ради, так как им нечем было кормить ее, а Паша уже прежде училась в двух магазинах и была выгнана оттуда за леность и попытки красть остатки материи. Мать, отдавая ее к Ирине Матвеевне, просила об одном, чтобы та как можно строже обращалась с ней, и, главное, не отсылала ее от себя. С Машей Ирина Матвеевна обращалась несколько мягче, чем с чужими; она выбирала для нее самую легкую работу, почти не била ее, разве так, для виду, хлопнет по руке, и, замечая усталость девочки, часто посылала ее за какими-нибудь покупками, или давала ей легкие хозяйственные поручения.

– Первое время нельзя не побаловать ребенка, – говорила она Груше: – она ведь еще невелика, да главное, и не привыкла к нашей жизни.

Маша вовсе не замечала этого баловства. Несмотря на легкие послабления матери, работа сильно утомляла ее. Часто, вставая с места к обеду, она чувствовала такую тяжесть в голове, что почти ничего не могла есть, а выходя на улицу за какой-нибудь покупкой, несколько минут еле двигала ноги, оцепеневшие от долгого сиденья. Боялась она мать не только не меньше, а даже больше, чем другие девочки; все мысли ее были направлены на то, чтобы избежать брани и наказаний. Когда Ирина Матвеевна выходила за чем-нибудь из комнаты, и Паша с Анютой начинали играть, или бегать, «чтобы отвести душу», как они говорили. Маша редко следовала их примеру, она продолжала свое дело, никогда не осмеливаясь даже пожаловаться на усталость.

– Ну что, Машута, привыкаешь к работе? – спрашивала у нее вечером Груша.

– Ничего, привыкаю, – со вздохом отвечала девочка.

Она и в самом деле понемногу привыкала, иголка ходила послушнее в руке ее, на нитках реже завязывались узелки, стежки ложились мельче и ровнее, голова и спина болели не так сильно, но на душе ее было все-таки тяжело, она думала об одном, как бы аккуратнее сработать, желала одного – избежать строгости матери.

Глава III

Раз как-то Ирине Матвеевне нужно было отнести работу к Светловым, и в то же время она ждала к себе одну заказчицу, так что не могла отлучиться из дома.

– Пошлите к Светловым Машу, – посоветовала матери Груша, – она рада будет повидать старых знакомых.

Ирина Матвеевна исполнила совет старшей дочери, и Маша, нагруженная довольно большим узлом, была отправлена к Светловым со строгим наказом не засиживаться там, а как можно скорей возвращаться домой.

Груша верно угадала, что Маша с удовольствием шла повидаться со своими старыми знакомыми. Никого там она особенно не любила, но ей приятно было увидеть всех, не исключая и старого ворчуна-лакея, частенько поколачивавшего ее за дурно вычищенные сапоги, но зато никогда не забывавшего угостить ее сладким остатком с барского стола; ей приятно было опять побывать в светлой, просторной детской, узнать, каково учится Лизанька, заглянуть в книжный шкаф, доставлявший ей так много наслаждений.

«Может быть, барышни позволят мне взять какую-нибудь книжку почитать», – думала девочка, и румянец удовольствия показался на щеках ее и, несмотря на тяжелый узел, она шла таким бодрым, скорым шагом, каким еще ни разу не ходила по поручению матери.

Работа, посланная к Светловым Ириной Матвеевной, предназначалась для кухарки и для горничной. Маша сдала им в кухне свой узел, и, пока они занимались рассматриванием и примеркой обнов, сама она пробралась по знакомому коридору в детскую. Там сидела одна Лиза, заплаканная, рассерженная. Она очень обрадовалась Маше, ласково поздоровалась с ней и тотчас же начала поверять ей свои горести.

– Если бы ты знала, какая я несчастная, – жаловалась она, – представ себе, все наши поехали в Гостиный двор: маменька будет покупать новые платья нам с Варей, а меня противная гувернантка оставила дома! Этакая она злючка отвратительная! И за что наказала! Говорит, что я в классе невнимательна, не слушаю, что она объясняет! Очень нужно слушать! Тянет, тянет такую скуку, что беда. Вот смотри: задала мне сделать арифметические задачи без нее, а как я буду делать, я их совсем не понимаю!

– Очень трудные? Покажите-ка! – полюбопытствовала Маша.

Лиза показала ей книгу, в которой были отмечены карандашом задачи, заданные ей.

– Э, да это совсем не трудно! – вскричала Маша, прочитав первую задачу: – хотите я вам помогу?

– Душенька, Машенька, помоги! – обрадовалась Лиза: – с тобой вместе мне так хорошо было готовить уроки!

Девочки уселись за стол. Маша забыла и мать, и ее приказание скорей возвращаться домой и вполне погрузилась в свое любимое занятие – разрешение запутанных арифметических задач. Она считала быстро и в то же время не забывала объяснять своей маленькой подруге весь ход действия. С ее помощью Лиза без труда исполнила большую часть урока. Но вот на одной задаче вышла остановка.

– Я не знаю, как это сосчитать, – с недоумением сказала Маша, – это что-то новое! Верно, гувернантка объясняла вам из арифметики что-нибудь, чего я не слыхала?

– То-то и есть, что объясняла, – подтвердила Лиза, – даже два раза объясняла, только мне лень было слушать, за это-то она меня и наказала!

– Ах, Лизавета Петровна, да отчего же вы не послушали, – с сожалением вскричала Маша, – мне бы рассказали, мы бы с вами вместе и сосчитали!

– Не беда, еще раз объяснит, – небрежным голосом отвечала Лиза, – вед я и так решила четыре задачи, а она задала всего шесть, этого довольно.

– Позвольте, я попробую, может быть, я как-нибудь и придумаю, – попросила Маша.

Лиза оставила ее над книгой, а сама, довольная тем, что приготовила больше половины урока, принялась бегать и скакать по комнате.

Долго ломала себе бедная Маша голову над трудным вычислением: задачи были сложные, с запутанными условиями, с большими числами и решались посредством деления, о котором она не имела никакого понятия.

– Да брось ты это! – вскричала беззаботная Лиза: – завтра Ольга Семеновна мне опять объяснит то, чего я не слушала сегодня, и тогда я сумею сделать эти задачи!

– А я-то? Мне никто не объяснит! Я так и не буду этого знать! – с отчаянием в голосе проговорила Маша.

Лиза с удивлением посмотрела на нее. Унылый вид Маши поразил девочку.

– Если тебе так хочется это узнать, – сказала она, – так я могу, пожалуй, дать тебе книгу, где это все написано; только очень непонятно написано, я пробовала читать, да ничего не поняла. Может быть, ты поймешь.

Глаза Маши заблестали радостью.

– Дайте, дайте, барышня, – просила она, – я не разорву и не запачкаю вашу книгу; я вам в целости отдам ее.

– А по мне хоть совсем не отдавай, – беззаботно отвечала Лиза, – гувернантка ведь объясняет нам арифметику сама, без книги, а понадобится, так маменька купит.

– Вы мне, может быть, и еще каких-нибудь книг дадите почитать? – робко попросила Маша.

– Хорошо, только ты, кажется, уж все наши книги перечитала; а, впрочем, поищи сама.

Обрадованная этим позволением, Маша перешла в классную комнату и принялась перебирать шкаф, наполненный книгами. Лиза сказала правду, большая часть этих книг давно читана и перечитана ею. Но вот книга, которую она начала в тот самый день, когда мать взяла ее от Светловых; эту надо закончить, а вот эта новая, а эти она читала, но давно и плохо поняла, надо перечитать. Девочка отложила четыре-пять книг и стала перелистывать шестую. Это была также новинка. Маша прочла страницу, две и так заинтересовалась чтением, что не могла отойти от шкафа. Время шло, она его не замечала и простояла бы так несколько часов перед шкафом с открытой книгой в руках, но Лиза помешала ей.

– Ты еще не ушла! – вскричала она, – а наши приехали. Ну что выбрала себе книгу?

Маша вздрогнула. Увлечшись чтением, она забыла, что послана к Светловым за делом на минуту, что строгой гувернантке неприятно будет застать ее вместе со своей воспитанницей. Теперь все это сразу пришло ей на память. Она наскоро распрощалась с Лизой, собрала книги, которые выпросила себе для чтения, и поспешила уйти прежде, чем господа поднялись на лестницу.

Домой Маша шла еще бодрее и веселее, чем к Светловым. Она не думала ни о матери, ни об ожидавшей ее работе, она мечтала об одном – скорей приняться за чтение тех книг, которые дала ей Лиза, скорей узнать то «новое», которое помогло бы ей решить Лизины задачи. С радостным сердцем вбежала она на лестницу и постучала в дверь своей квартиры. Мать сама отворила ей.

– Насилу-то притащилась! – закричала она, едва девочка ступила в темную переднюю. – Ты где это шлялась, а?

Ошеломленная сердитою встречей матери, Маша стояла неподвижно, не говоря ни слова.

– Да ты чего же истуканом стоишь, негодная девчонка! – кричала Ирина Матвеевна и, схватив девочку за руку, втащила ее в мастерскую. – Я тебе что наказывала, когда посылала тебя к Светловым, а? Ты ушла из дому в десятом часу, а теперь уж второй! Где ты была? Говори сейчас! Да говори же! Отвечай, когда мать спрашивает!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.